

СЕРИЯ «ШОРТ-ЛИСТ»

Роберт
Зеталер

.....

ВСЯ
ЖИ
ЗНЬ

Шорт-лист (АСТ)

Роберт Зеталер

Вся жизнь

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.112.2-31(436)

ББК 84(4Авс)-44

Зеталер Р.

Вся жизнь / Р. Зеталер — «Издательство АСТ», 2017 — (Шорт-лист (АСТ))

ISBN 978-5-17-102467-3

Андреас Эггер вырос в далекой альпийской деревушке, не зная, что представляет собой мир за окружающей ее горной чередой. Простой физический труд, любовь к прекрасной девушке, спокойная, размеренная жизнь – все это оказалось чрезвычайно хрупким перед лицом природной стихии и Второй мировой войны. Это нежная и красивая история об отношении человека и природы, об одиночестве, о наступлении современного мира – а главное, о повседневных мелочах, которые и делают нас теми, кто мы есть.

УДК 821.112.2-31(436)

ББК 84(4Авс)-44

ISBN 978-5-17-102467-3

© Зеталер Р., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

***	5
***	8
***	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Роберт Зеталер

Вся жизнь

Однажды утром, в феврале 1933 года, Андреас Эггер нашел полумертвого Йоханнеса Калишку – жители долины называли козьего пастуха не иначе как Ханнес-Рогач – на промокшем насквозь и пропахшем кислятиной соломенном тюфяке и потащил его вниз, в деревню, три километра по горной тропе, погребенной под толстым слоем снега.

Повинуясь странному предчувствию, Эггер заглянул в хижину, где и обнаружил Ханнеса-Рогача, съжившегося под грудой старых козьих шкур у давно остывшей печи. Пастух, исхудавший до костей и бледный как призрак, так посмотрел на Эггера из темноты, что тому стало ясно: смерть уже близко. Эггер взял Ханнеса на руки, будто ребенка, и бережно усадил на выложенные сухим мхом деревянные носилки, в которых пастух всю жизнь таскал на спине по горам то дрова, то раненых коз. Эггер обмотал себя веревкой, привязал ее к носилкам да затянул покрепче, даже дерево затрещало. Спросил у пастуха, не больно ли ему, тот отрицательно покачал головой и криво улыбнулся. Эггер знал, что пастух лжет.

Первые недели года выдались необычайно теплыми. В долинах таял снег, в деревне повсюду слышались капель и журчание талой воды. Но за последние дни опять сильно похолодало, и снег, куда ни погляди, валил так густо и мягко, что поглотил всю округу, все живое, заглушил всякий звук. Первые несколько сотен метров Эггер шел молча, и словом не обменявшись с пастухом, дрожавшим у него за спиной. Какие тут разговоры, когда надо следить за тропой, крутым серпантинном вьющейся вниз по горе, идти наугад, ведь из-за снегопада она едва заметна в снежном вихре. Он только чувствовал порой, как Ханнес-Рогач шевелится на носилках.

– Не вздумай мне тут помирать, – пробурчал Эггер себе под нос, не ожидая ответа.

Еще почти полчаса он слышал вместо ответа лишь свое тяжелое дыхание, но вдруг сзади раздался голос:

– Умереть – это еще не так плохо.

– Вот только не на моем горбу!

Эггер остановился, чтобы поправить кожаные ремни на плечах, и на миг прислушался к бесшумно падающему снегу. Глухая тишина. Молчание гор, столь хорошо ему знакомое, всегда способно наполнить сердце страхом.

– Не на моем горбу, – повторил он и двинулся дальше.

За каждым поворотом снегопад, казалось, становился все гуще, мягкий снег падал беспрерывно и беззвучно. Ханнес почти не двигался, а потом и вовсе прекратил шевелиться, и тут Эггеру померещилось худшее.

– Ты там помер, что ли? – спросил он.

– Нет, черт ты хромой! – последовал поразительно четкий ответ.

– Да я так, просто спрашиваю. Ты продержись до деревни, потом делай что хочешь.

– А если не продержусь?

– Надо! – отрезал Эггер.

Решил, что хватит разговоров, и на следующие полчаса между ними воцарилось молчание. Не дойдя до деревни метров трехсот по прямой, на Коршуновой гряде, где первые сосенки горбились, словно карлики, с головой укрытые снегом, Эггер сбился с тропы, споткнулся,

плюхнулся на зад и заскользил вниз по склону, пока не врезался метров через двадцать в огромный, человеческого роста, валун. Под скалой не чувствовался ветер, и снег как будто падал здесь еще медленнее, еще тише. Эггер сидел на снегу, чуть откинувшись на носилки. В левом колене ощущалась колющая, но все-таки терпимая боль, главное – нога осталась цела. Ханнес долго не шевелился, потом вдруг закашлялся и даже заговорил хриплым и таким тихим, что слов почти не разберешь, голосом:

– Где ты хотел бы лежать, Андреас Эггер?

– Что?!

– В какой земле будет твоя могила?

– Не знаю, – ответил тот.

Эггер никогда о таком не думал, он вообще считал, что подобные вопросы не стоят ни времени, ни размышлений.

– Земля есть земля, где лежишь – неважно.

– Может, оно и неважно, под конец уже все неважно, – слышался шепот Ханнеса. – Но вот холод? Такой холод, что разъедает кости. И душу тоже.

– И душу тоже? – переспросил Эггер. Вдруг его охватила дрожь.

– Душу – прежде всего! – ответил пастух. Насколько мог, он высунул голову из-за края носилок и разглядывал стоящий стеной туман и падающий снег.

– Душу, и кости, и разум, и все, что человек в течение жизни любил и во что верил. Вечный холод пожирает всё. Где-то это написано, как я слышал. Люди говорят, будто из смерти рождается новая жизнь. Но ведь люди глупее, чем самая глупая коза. Послушай меня: из смерти ничего не рождается. Смерть – это Ледяная Дама.

– Ледяная... кто?

– Дама, – повторил Ханнес. – Она является из-за гор, крадется по долинам. Приходит, когда захочет, и берет, что захочет. У нее нет ни лица, ни голоса. Ледяная Дама! Пришла, взяла и ушла прочь. Вот и всё. Схватила тебя мимоходом, уволокла за собой, бросила в какую-то яму. Пока тебя не закопали, ты последний раз в жизни видишь клочок неба, но тут является она, чтобы напоследок обжечь ледяным дыханием. Тебе ничего не остается, только тьма. И холод.

Подняв взгляд в заснеженное небо, Эггер вдруг испугался, что вот-вот увидит перед собой ту самую Даму. И ощутит ледяное дыхание.

– Боже мой, – выдавил он сквозь зубы, – плохо дело.

– Да уж, ничего хорошего, – подтвердил Ханнес срывающимся от страха голосом.

Оба сидели не шелохнувшись. Тишину теперь прерывала лишь тихая песня ветра – касающаяся горного хребта, тот увлекал за собою снег, и казалось, будто на вершине развеваются снежные флажки. Вдруг Эггер почувствовал движение и в следующую секунду завалился на спину, прямо на снег. Каким-то образом Ханнес-Рогач смог ослабить узлы и мигом выбраться из носилок. Поднялся на ноги, тощий, в лохмотьях, стоит, слегка пошатываясь на ветру. Эггера вновь проняла дрожь.

– Ну-ка, забирайся обратно, – велел он. – Иначе с тобой опять что-нибудь случится.

Ханнес замер, вытянув шею. На миг показалось, будто он внимает словам Эггера, едва слышным в густом снегопаде. Но он, вдруг тронувшись с места, широким шагом направился прямо вверх. Эггер попытался подняться, поскользнулся и тут же упал, выругался, помог себе руками и все-таки встал на ноги.

– Вернись! – кричал он вслед пастуху, взбирающемуся в гору с поразительной скоростью.

Но Ханнес-Рогач не слышал. Скинув с плеч ремни, Эггер бросил носилки и пустился за ним, но не пробежал и нескольких метров. Остановился, задыхаясь, – склон горы был здесь слишком крут, на каждом шагу Эггер по пояс утопал в снегу. Наверху тощая фигура все уменьшалась и наконец вовсе растворилась в непроницаемой снежной мгле. Сложив ладони рупором, Эггер крикнул что есть силы:

– Стой! Стой, пес паршивый! От смерти еще никто не убежал!
Все напрасно: Ханнес-Рогач скрылся из виду.

Преодолев последнюю пару сотен метров, отделявшую его от деревни, Андреас Эггер зашел в трактир «Золотая серна», желая согреть свою перепуганную душу, и заказал жареных на сале пышек да самогонку на травах. Уселся возле старой изразцовой печи, положил руки на стол и почувствовал, как постепенно согреваются заледеневшие пальцы. За открытой печной дверцей потрескивали дрова. Эггеру вдруг показалось, будто из печки на него смотрит пастух: вот же его лицо! Он быстро захлопнул печную дверцу и, зажмурившись, махом выпил рюмку самогонки. Открыв глаза, Эггер увидел перед собой девушку. Уперев руки в бока, она стояла и смотрела на него. Короткие волосы льняного цвета, кожа блестит, разрумившись от тепла печи. Эггеру невольно вспомнились новорожденные поросята – мальчишкой он, бывало, вытаскивал их из соломы и прижимался лицом к мягким, пахнущим землей, молоком и свиным навозом брюшкам. Взгляд его упал на собственные руки: до чего же они чудные, тяжелые, какие-то никчемные и дурацкие.

– Повторить? – спросила девушка.

Эггер кивнул. Она принесла еще рюмку и, нагнувшись, чтобы поставить ее на стол, нечаянно задела краем блузки его руку. Едва заметное прикосновение причинило Эггеру острую боль, с каждой секундой все сильнее пронзающую тело. Взглянул на девушку, а она улыбнулась.

Это мгновение и эту мимолетную улыбку у тихо потрескивающей печи Андреас Эггер вспоминал потом всю жизнь.

Позже, выйдя на улицу, Эггер увидел, что снегопад закончился. Похолодало, воздух стал прозрачным. Обрывки тумана ползли вверх по склонам, вершины гор сияли в солнечных лучах. Пройдя деревню, Эггер побрел домой по глубокому снегу. У горного ручья, неподалеку от старых деревянных мостков, резвились дети. Побросав ранцы в снег, они спустились к самому руслу ручья. Одни скатывались вниз по льду, другие ползали на четвереньках, прислушиваясь к тихому бульканью под толщей льда. Завидев Эггера, дети сбились в кучу и закричали:

– Эй, хромой! Хромой!

Голоса их звенели в прозрачном воздухе отчетливо и ясно, как крики молодых беркутов, которые кружат высоко над долиной, высматривая серн, сорвавшихся в ущелье, и коз на пастбище.

– Эй, хромой! Эй ты, колченогий!

Поставив на землю деревянные носилки, Эггер отколол от нависающего берега кусок льда величиной с кулак, замахнулся хорошенько и швырнул его в сторону мальчишек. Но целился он слишком высоко, и ледяной обломок улетел вдаль выше их голов. Когда льдинка достигла верхней точки полета, на миг показалось, будто она так и останется там – крошечная, сверкающая в закатных лучах звездочка. Но вот она сорвалась вниз и беззвучно пропала в тени утопающих в снегу елей.

Три месяца спустя, присев на пенек в том же самом месте, Андреас Эггер наблюдал, как из облака желтоватой пыли, скрывающего вход в долину, появляется, медленно приближаясь к деревне, строительная бригада компании «Биттерман и сыновья»: двести шестьдесят строителей, двенадцать машинистов, четыре инженера, семь поварих из Италии и несколько помощников, чью роль в бригаде на первый взгляд не определишь. Издалека толпа строителей походила на огромное стадо – разглядеть что-либо, например протянутую руку или взваленную на плечо кирку, можно было только сощурившись. Как передовой отряд они шли перед колонной массивных, нагруженных оборудованием, инструментами, стальными балками, цементом и прочими строительными материалами гужевых повозок и грузовых автомобилей, двигавшихся по грунтовой дороге не быстрее пешеходов.

Впервые в долине зазвучало приглушенное тарахтение дизельных двигателей. Местные молча стояли у обочины. Вдруг старый конюх Йозеф Малицер сорвал с головы фетровую шляпу и, ликуя, подбросил ее в воздух. Тут и другие начали восклицать, радостно кричать и улюлюкать. Несколько недель в деревне ожидали наступления весны и вместе с ним – прибытия строителей. В долине построят канатную дорогу! Подвесную канатную дорогу, работающую на постоянном токе, и люди смогут подниматься на гору в ярко-синих деревянных кабинках, чтобы насладиться панорамным видом на долину. План строительства грандиозный. Тросы длиной две тысячи метров и толщиной двадцать пять миллиметров пересекут небо, переплетаясь, как гадюки в брачный период. При строительстве придется преодолеть перепад высот в тысячу триста метров, построить мосты над ущельем и подорвать скалистые выступы.

Вместе с канатной дорогой в долину придет и электричество. Электрический ток будет струиться по жужжащим кабелям в деревню, наполняя теплым светом улицы, дома и конюшни даже ночью. Вот этот-то свет и многое другое представляли себе люди, подбрасывая шляпы в воздух и выкрикивая приветствия в ясное небо. Эггер охотно присоединился бы ко всеобщему ликованию, но почему-то остался сидеть на своем пне. Он чувствовал себя подавленным, но сам не знал отчего. Может, дело в тарахтении моторов и в шуме, который внезапно заполнил долину и теперь исчезнет неведомо когда. Исчезнет ли вообще? Посидев еще немного, Эггер не выдержал: вскочил и побежал вниз, присоединился к жителям деревни, стоявшим на обочине дороги, и стал кричать и ликовать изо всех сил.

А в детстве Андреас Эггер не кричал и не ликовал. Он даже не говорил толком, пока не пошел в школу. С трудом он выучил несколько слов и редко-редко, расставляя их в произвольном порядке, пытался произнести фразу. Заговоришь – привлечешь к себе внимание, а это ничего хорошего не сулит. Летом 1902 года его, маленького мальчика, сняли с повозки, которая приехала из далекого города, располагавшегося по ту сторону гор, и он стоял и смотрел широко распахнутыми глазами на сверкающие белизной вершины. Ему было года четыре, или меньше, или больше – точно никто не знал, да и не интересовался. Возраст мальчика уж совсем не волновал и зажиточного крестьянина Хуберта Кранцштокера, когда тот, неохотно приняв ребенка, сунул кучеру убогие чаевые: два гроша да сухую краюшку хлеба. Андреас Эггер – единственный ребенок одной из его своячениц, та вела легкомысленный образ жизни, за что Бог наказал ее чахоткой и забрал на тот свет. На шее мальчика висел кожаный мешочек с несколькими банкнотами – хоть что-то! Для Кранцштокера эти деньги послужили достаточным основанием, чтобы тотчас не послать ребенка к дьяволу или не подбросить пастору к церковным воротам – особой разницы он, кстати, не видел.

А маленький Эггер все стоял и смотрел на горы. Этот вид стал единственным его воспоминанием из раннего детства, пронесенным через всю жизнь. Более ранних воспоминаний

у него не было, да и последующие годы, проведенные в доме Кранцштокера, растворились в тумане прошлого.

Вот следующее воспоминание Андреаса Эггера: ему около восьми лет, голый и тощий, он висит на перекладине. Зимний холод, ноги и голова почти касаются пола, пропахшего лошадиной мочой, а зад его, костлявый и белый, торчит вверх. Один за другим сыплются удары, которые наносит Кранцштокер прутом лещины. Прут он, как всегда, вымочил в воде, а потому тот очень гибок. Вот он рассек воздух с коротким и звонким свистом и тут же с шелестом – будто вздох! – хлестнул Эггера по заду. Мальчик не кричит и своим молчанием вынуждает крестьянина наносить все более сильные удары.

Божественной дланью человек создан и закален для того, чтобы подчинить себе Землю и всех тварей земных. Человек исполняет волю Божью и провозглашает слово Божье. Силой чресл своих человек дарует жизнь, а силой рук – отнимает. Человек – это плоть и почва, он крестьянин, и зовут его Хуберт Кранцштокер. Если ему угодно, он вскопает пашню, взвалит на плечи взрослую свинью, произведет на свет ребенка или бросит того на перекладину, потому что он – человек, слово и дело.

– Господи, прости. – Кранцштокер вновь со свистом ударил Эггера прутом. – Господи, прости.

Поводы для телесного наказания находились всегда: разлитое молоко, заплесневевший хлеб, потерявшаяся корова или вечерняя молитва, произнесенная с запинками. Как-то раз Кранцштокер взял слишком толстый прут, или забыл его вымочить, или же бил яростнее, чем обычно, – точно никто не знает, – но после очередного удара в маленьком тельце ребенка что-то затрещало, а потом он перестал шевелиться.

– Господи, прости... – сказал Кранцштокер, удивленно опуская руку.

Маленького Эггера отнесли в дом и уложили на солому, крестьянка вернула его к жизни чаном воды и чашкой теплого молока. Что-то случилось с правой ногой мальчика, но обследование в больнице стоило слишком дорого, поэтому из соседней деревни вызвали костоправа. Алоис Кламерер оказался дружелюбным человеком, о силе и ловкости его непривычно маленьких, нежно-розовых рук ходили легенды даже среди лесорубов и кузнецов. Много лет назад его вызывали к зажиточному крестьянину Хирцу, чей сын вырос настоящим чудовищем, обладавшим медвежьей силой, и однажды тот, напившись вдрызг, провалился сквозь крышу большого птичника и несколько часов пролежал в курином помете, корчась от боли, извергая нечленораздельные звуки и успешно обороняясь вилами, чтобы никого к себе не подпустить. И вот Алоис Кламерер, с беззаботной улыбкой приблизившись к сыну крестьянина, ловко увернулся от вил и вмиг засунул тому два пальца точно в ноздри, тут же с легкостью поставил его на колени, чтобы сперва образумить упрямую головушку, а потом вправить вывихнутые суставы.

Костоправ Алоис Кламерер сумел собрать и сломанную бедренную кость маленького Эггера. Он наложил на ногу шину из тонких деревянных реек, обработал травяной мазью и обмотал толстой повязкой. Следующие полтора месяца Эггер провел на соломенном тюфяке в мансарде, пользуясь старой кухонной миской в качестве утки. Спустя годы, став взрослым и сильным мужчиной, способным на собственной спине спустить с горы умирающего пастуха, Андреас Эггер вспоминал те ночи на пахнущем травами, крысиным пометом и его собственными испражнениями чердаке. Сквозь половицы он чувствовал тепло находящейся под ним комнаты. Слышал тихие вздохи детей Кранцштокера, его грохочущий храп и загадочные звуки, которые издавала его жена по ночам. Из хлева доносились шорохи: животные чем-то шуршали, шумно дышали, жевали сено и фыркали. Ясными ночами Андреас Эггер порой не мог уснуть, видя в слуховом окошке луну. Он пытался выпрямиться, вытянуться как можно выше, чтобы приблизиться к ней, ведь лунный свет так приветлив и ласков, а собственные пальцы ног в таком свете выглядят как маленькие круглые кусочки сыра.

И вот спустя полтора месяца к Эггеру вновь позвали костоправа, чтобы снять повязку. Нога под ними оказалась тонкой, как куриная косточка. Кроме того, она как-то косо торчала из бедра, казалась то ли кривой, то ли вывернутой.

– Она еще вырастет до нормальных размеров, все ведь растет в этой жизни, – сказал Кламерер, окуная руки в миску с парным молоком.

Преодолевая боль, маленький Эггер поднялся с кровати и поплелся прочь из дома, на лужайку, куда выпускают кур, – там уже зацвели примула и дороникум. Скинув ночную рубаху, он вытянул руки и упал навзничь в траву. Солнце светило прямо в лицо. Эггер впервые подумал о матери, чей образ давно стерся из его памяти. Какой она была? И какой стала, когда пришел конец? Маленькой, исхудавшей и бледной... С одной-единственной крошечной веснушкой на лбу.

Андреас Эггер вновь набрался сил. Правда, нога так и осталась кривой, и с тех пор он шел по жизни прихрамывая. Будто правой ноге при движении всегда требовалось на секунду больше, чем остальному телу, будто она размышляла перед каждым шагом, стоит ли он таких усилий.

О последующих годах детства у Эггера остались лишь потрепанные временем обрывки воспоминаний. Однажды он видел, как гора сдвинулась с места. Словно кто-то толкнул гору с той стороны, что была в тени, а потом весь склон начал сползать вниз с глухим стоном. Скользящий пласт земли унес вниз лесную часовню и несколько стогов сена, погреб под собой шаткие стены давно заброшенных построек на месторождении лимонита. Хромоногую теленку, отделенного от стада, подбросило высоко в воздух вместе с вишневым деревом, к которому он был привязан, теленок лишь на миг взглянул на долину, а потом его накрыло обломками породы. Эггер вспоминал людей, стоявших у своих домов, и как они смотрели на беду с другой стороны долины, разинув рты. Дети держались за руки, мужчины молчали, женщины рыдали, со всех сторон слышалось бормотание стариков, читавших «Отче наш». Два дня спустя теленка нашли на несколько сот метров ниже по склону, в излучине ручья, – он все еще был привязан к вишневому дереву, вода омывала распухший живот и окоченевшие, торчащие вверх ноги.

Эггер делил большую кровать с детьми крестьянина, но одним из таковых не считался. Он навсегда остался в этом доме приезжим, внебрачным сыном свояченицы, которую покарал Бог, заслужившим милость Кранцштокера только благодаря содержимому кожаного мешочка, что висел на его шее. К нему и не относились никогда как к ребенку. Словно создан он для того, чтобы работать, молиться да подставлять зад под лещиновый прут. И только пожилая мать крестьянина, бабушка, время от времени одаривала его ласковым взглядом и добрым словом. Иногда она, положив маленькому Эггеру руку на голову, бормотала: «Храни тебя Господь». Узнав во время сенокоса о ее внезапной смерти – она потеряла сознание, выпекая хлеб, упала лицом в тесто и задохнулась, – мальчик выронил косу, молча поднялся на Коршунову гряду и там, в тени, сел и заплакал.

Три дня бабушка пролежала в чуланчике между домом и хлевом. Там царил непроглядная тьма, окна и стены завесили черной тканью. В руки бабушке вложили деревянные четки, лицо освещали две мерцающие свечи. Летняя жара и духота проникали в чулан сквозь щели, запах тлена быстро распространился по всему дому. Когда прибыл катафалк, запряженный двумя огромными лошадьми-хафлингерами, все домочадцы в последний раз собрались у гроба, чтобы проститься с бабушкой. Окропив ее святой водой, Кранцштокер откашлялся и произнес короткую речь:

– Вот бабушка и ушла. Куда – никто не знает, но все будет хорошо. Там, где умирает старое, появляется место для нового. Так есть, и так будет всегда, аминь!

Гроб поставили на дроги, и похоронная процессия, в которой, как обычно, участвовала вся община, медленно двинулась в путь. Когда она проходила мимо кузницы, покрытая копытю дверь внезапно распахнулась, и наружу вырвался сторужевого пес. Шерсть его была иссиня-

черной, а меж лап болтались припухшие ярко-красные гениталии. С хриплым лаем он бросился к повозке. Кучер хлестнул пса кнутом по спине, но тот, казалось, не почувствовал боли. Прыгнув на одну из лошадей, он вцепился ей в заднюю ногу. Встав на дыбы, лошадь лягнула пса, огромное копыто с треском опустилось ему на голову. Взвыв от боли, пес рухнул на землю, словно мешок с костями. Раненая лошадь хромала, шатаясь из стороны в сторону. Вот-вот дроги полетят в отводную канаву! Кучер спрыгнул с козел и схватил лошадей под уздцы – только так ему удалось удержать повозку на дороге, но гроб все равно начал скользить и опасно накренился. Крышка, которую кое-как прикрыли для перевозки, а заколотить гвоздями должны были уже у могилы, сдвинулась, и бабушкина рука вывалилась в щель. В темноте чулана рука казалась белой как снег, но сейчас, при ярком дневном свете, она выглядела желтой, как лепестки маленьких горных фиалок, цветущих на тенистом берегу ручья, и увядающих, стоит солнечным лучам их коснуться.

В последний раз встав на дыбы, лошадь замерла. Только бока ее дрожали. Эггер увидел руку бабушки, свисающую из-под крышки гроба, на миг ему показалось, будто она хочет махнуть ему на прощание и в последний раз его благословить.

Крышку закрыли, гроб установили на место, похоронная процессия двинулась дальше. А пес так и остался лежать на дороге, трясаясь в судорогах, крутясь вокруг своей оси, вслепую разевая пасть во все стороны. Клацанье его челюсти слышалось еще долго, но потом кузнец все же добил пса длинным зубилом.

В 1910 году в деревне построили школу. Отныне Андреас Эггер каждое утро, поработав в хлеву, сидел вместе с другими детьми в классной комнате, пропахшей свежей смолой. Он учился читать, писать и считать. Учился медленно, словно что-то внутри него противилось знаниям, а потом все же начал видеть в хаосе точек и тире на школьной доске определенный смысл и наконец смог читать книги без картинок, что дало ему кое-какое представление о мире за пределами долины, но также и пробудило кое-какие страхи.

После смерти двоих младших детей Кранцштокера – однажды долгой зимней ночью их жизнь забрала дифтерия – работа на крестьянском дворе стала еще утомительнее, ведь рук теперь поубавилось. С другой стороны, у Эггера появилось больше места на кровати и не приходилось теперь драться за каждую корку хлеба с оставшимися сводными братьями и сестрами. Хотя и без того до физической борьбы дело доходило редко: Эггер стал слишком силен. Природа словно пыталась заглядеть перед ним вину за тот перелом ноги. К тринадцати годам его мускулатура могла сравниться с мышцами молодого мужчины, а четырнадцать лет он впервые загрузил в хлебный амбар мешок весом в шестьдесят килограммов. Он был силен, но все делал медленно. Медленно думал, медленно говорил, медленно ходил, хотя каждая его мысль была важна, каждое слово и каждый шаг оставляли след, причем именно там, где и должно, – так он считал.

Однажды, вскоре после восемнадцатилетия Андреаса Эггера (точной даты его рождения никто не знал, бургомистр просто выбрал один из летних дней, а именно 15 августа 1898 года, и выдал ему соответствующее свидетельство), за ужином из рук у него выскользнула глиняная миска с молочным супом, глухо стукнула, ударившись об пол, и разбилась. Весь суп с только что крошенным в него хлебом разлился по дощатому полу. Кранцштокер, как раз успевший сложить ладони для молитвы, медленно встал из-за стола.

– Замочи лещиновый прут в воде, – приказал он. – Встретимся через полчаса.

Сняв прут со стены, Эггер положил его в поилку для скота, сел на перекладину в хлеву и свесил ноги. А через полчаса появился крестьянин.

– Давай сюда прут! – велел он.

Эггер спрыгнул с перекладины и достал прут из корыта. Кранцштокер размахнулся, прут со свистом рассек воздух. В его руке прут гнулся во все стороны и разбрызгивал блестящие капельки воды.

– Снимай штаны! – скомандовал Кранцштокер.

Но Эггер, скрестив руки на груди, отрицательно помотал головой.

– Только посмотрите, этот мерзавец перечит честному крестьянину! – возмутился Кранцштокер.

– Пусть меня оставят в покое, вот и все, – ответил Эггер.

Кранцштокер стиснул зубы. На бороде его висели засохшие остатки молочного супа, а на шее пульсировала толстая изогнутая вена. Шагнув вперед, он занес руку для удара.

– Если ты меня ударишь, я тебя убью, – сказал Эггер. Кранцштокер застыл на месте.

Впоследствии, когда Эггер вспоминал эту сцену, ему казалось, будто он простоял так целый вечер: руки скрещены на груди, перед ним – Кранцштокер, сжимающий в кулаке прут из лещины. Оба молчат. У обоих в глазах – ледяная ненависть. А на самом деле так они простояли лишь несколько секунд. Капля воды, медленно стекая по пруту, наконец сорвалась и упала на пол. Из хлева доносились приглушенные звуки, коровы жевали сено. Вот в доме засмеялся кто-то из детей. А потом весь двор снова погрузился в тишину.

– Убирайся сейчас же, – едва слышно произнес Кранцштокер, опуская руку.

И Эггер ушел.

Андреаса Эггера считали инвалидом – а он был силен. Он брался за дело без промедления, не требовал много и говорил мало, мог снести жару в поле и жгучий мороз в лесу. Соглашался на любую работу безропотно и выполнял ее на совесть. Умел обращаться с косой и с вилами. Ворочал свежескошенную траву, нагружал повозки навозом, убирал камни и снопы сена с полей. Трудился на пашне как пчела, лазал по скалам в поисках заблудившейся коровы. Знал, какое дерево в каком направлении рубить, как вбить клин, как заострить пилу и наточить топор. В трактир заходил, только чтобы утолить голод, и больше бокала пива или рюмки травяной настойки себе не позволял. Ночью почти не спал в кровати – чаще в сене, на чердаках, в конюшнях и хлевах рядом со скотом. Летними ночами он порой расстилал покрывало на свежескошенном лугу, ложился на спину и смотрел в небо, полное звезд. Он думал о будущем, о том, как оно безгранично простирается перед ним, – именно потому, что от будущего Эггер ничего не ждал. Иногда, пролежав достаточно долго, он ощущал, будто земля под ним поднимается и опускается легко-легко. Эггер думал в эти мгновения, что так дышат горы.

К двадцати девяти годам Андреас Эггер скопил достаточно денег, чтобы арендовать клочок земли да овин для сена в придачу. Граница участка пролегла как раз у края леса, на высоте около пятисот метров над деревней, а добраться до него можно было только по узкой тропе, ведущей к Пастушьей вершине. Участок не представлял ценности, так как лежал на крутом склоне, земля там не отличалась плодородием, кругом валялись бесчисленные валуны, а размером он не превышал выпас для кур на заднем дворе Кранцштокера. Зато в скалах поблизости бил родник с чистой ледяной водой, а солнце у горного хребта по утрам начинало светить на полчаса раньше, чем в деревне, высушивая росу на траве под ногами Эггера. Срубив на окраине леса два дерева, Эггер обработал их прямо на месте и перетасил распиленные балки к своему овину, чтобы подпереть покосившиеся стены. Для укрепления фундамента он вырыл траншею и заполнил ее валунами, которые нашел на участке. Но камней не стало меньше – казалось, из сухой земли каждую ночь вырастает несколько новых.

Собирая камни, он стал от скуки давать им имена. Имена закончились, и тогда Эггер стал давать камням прозвища. Однажды он понял, что знает слов меньше, чем на земле валяется камней, и начал сызнова. Ни в плуге, ни в скотине он не нуждался, ведь участок для полноценного хозяйства был слишком мал, а годился для крохотного огорода. Наконец, Эггер даже поставил низенький забор вокруг своего нового дома и сделал решетчатую калитку, исключительно ради того чтобы оградиться от случайного прохожего.

В общем и целом времена наступили хорошие: Эггер был всем доволен, он смог бы прожить так всю жизнь. Но потом случилась та история с пастухом. Согласно собственным представлениям о вине и справедливости, Эггер не считал себя причастным к исчезновению пастуха, и все же о произошедшем в тот снежный день он не рассказал никому. Ханнес-Рогач считался умершим, в чем Эггер ни на миг не сомневался, пусть тело его так и не нашли. Но позабыть истощенную фигуру, медленно растворяющуюся в тумане, Андреас Эггер не мог.

Впрочем, с того дня Эггер лелеял в глубине души нечто незабываемое: боль, которая возникла от прикосновения края блузки к его плечу, потом растеклась по всей руке, по всей груди и наконец засела в самом сердце. Боль невероятно пронзительная, глубже любой другой боли, испытанной Эггером за всю жизнь, глубже даже ударов лещиновым прутом.

Ее звали Мари. Самое прекрасное имя в мире. Она объявилась в долине месяца два назад, искала работу, обувь у нее прохудилась, а волосы покрывала пыль. Обстоятельства сложились удачно: несколько дней назад хозяин трактира выставил вон служанку из-за неподвижной беременности.

– Покажи-ка руки! – велел он Мари.

Рассмотрев мозоли на ее ладонях, он удовлетворенно кивнул и предложил ей освободившееся место. С тех пор Мари обслуживала гостей и заправляла постели в тех нескольких комнатах, что трактирщик сдавал сезонным рабочим. Она следила за курами, помогала в саду, на кухне, при забое скота и даже содержала в чистоте уборную для гостей. Никогда не жаловалась и не проявляла ни тщеславия, ни изнеженности.

– Держи руки от нее подальше! – пригрозил трактирщик, ткнув в грудь Эггеру блестящим от свиного жира указательным пальцем. – Мари тут для работы, а не для любви, понял?

– Понял, – ответил Эггер и вновь ощутил ту пронзительную боль в области сердца. «Богу все равно не солжешь, – подумал он, – а вот трактирщику...»

Воскресным днем Эггер подждал Мари у церкви. Она появилась в белом платье и белой шляпке. Шляпка выглядела очень мило, но Эггеру показалось, что она маловата. Он невольно представил себе выкорчеванный пенек посреди леса: черные корни торчат из земли и, словно по волшебству, иногда на них зацветает одинокая белая лилия. А может, шляпка и в самый раз... Эггер в таких вещах ничего не понимал. Его опыт общения с девушками ограничивался воскресными богослужениями, где он, сидя в капелле на последнем ряду, прислушивался к их звонкому пению и одурманивающему запаху вымытых с мылом и натертых лавандой волос.

– Я хочу... – хрипло начал Эггер и прервался на середине фразы, поскольку внезапно позабыл, что именно он хотел сказать.

Несколько мгновений они молчали, стоя в тени капеллы. Мари выглядела уставшей. Словно сумеречная тень церковных сводов наложила отпечаток на ее лицо. К правой брови прилипла и дрожала на ветру крошечная желтая пылинка – цветочная пыльца. Вдруг Мари ему улыбнулась.

– В тени так резко похолодало, – пожаловалась она. – Может, выйдем на солнце?

Бок о бок шли они по лесной тропке, ведущей от капеллы наверх, к Смоляной вершине. В траве журчал ручеек, наверху шелестели кроны деревьев. В подлеске повсюду щебетали малиновки, но стоило им подойти чуть ближе – и птички умолкли. Эггер и Мари остановились на поляне. Высоко-высоко в небе, прямо над ними, парил ястреб. Захлопав крыльями, он вдруг спланировал в сторону, словно упал с неба, и исчез из виду. Мари срывала цветы. Эггер взял да и швырнул камень размером с голову в подлесок. Просто захотелось, да и сил для таких шалостей у него хватало. На обратном пути, переходя прогнивший мостик, Мари взяла его под руку. Рука у нее оказалась грубой и теплой, как нагретая солнцем древесина. Как бы хотелось ему приложить ее руку к своей щеке и просто стоять так! Но Эггер, сделав широкий шаг, пошел быстрее.

– Осторожнее, смотри вниз! – предупредил он, даже не поворачиваясь к Мари. – Тут запросто можно вывихнуть ногу.

Они стали встречаться каждое воскресенье, а потом и среди недели. Как-то раз, в детстве, Мари пыталась перелезть через деревянные ворота в свинарник, но свалилась, не удержавшись, и перепугала свиноматку. Та цапнула зубами девочку, и с тех пор на шее у нее красовался ярко-красный шрам в форме полумесяца, длиной сантиметров двадцать. Эггера он не беспокоил. Шрамы – все равно что годы, сначала появляется один, потом другой, третий, и вместе они делают человека самим собой. Хромая нога Эггера, в свою очередь, не беспокоила Мари. По крайней мере, она и слова об этом не сказала. Они вообще почти не разговаривали. Прогуливаясь бок о бок, наблюдали за собственной тенью на земле или же, сидя на каком-нибудь валуне, смотрели на долину.

Как-то раз, в конце августа, Эггер отвел Мари на свой участок. Наклонившись, открыл решетчатую калитку и пропустил Мари вперед. Тут же объяснил: мол, хижину надо еще покрасить, а не то ветер и влажность могут разьесть древесину так быстро, что и глазом моргнуть не успеешь, ни о каком уюте тогда не будет и речи. Вон там он посадил овощи, сельдерей-то уже

почти его самого перерос! Ведь солнце тут светит ярче, чем в долине. И это, мол, не только растениям на пользу, но и человеку – согревает тело и душу.

– И конечно, как не упомянуть про прекрасный вид! – описав рукой широкую дугу, произнес Эггер. – Вся долина как на ладони, а при хорошей погоде видно и то, что за ее пределами.

Эггер рассказывал: мол, и внутри стены надо покрасить, вернее, побелить. И замешивать побелку, мол, надо не с водой, а с парным молоком, тогда продержится дольше. Еще, возможно, стоит обставить кухню, хотя самое необходимое – кастрюли, тарелки, ложки, вилки и все такое – уже есть, осталось почистить наждаком сковородки, когда будет время. Хлев ему незачем, для скотины нет ни места, ни времени, да и не мечтал он никогда о крестьянском хозяйстве. Ведь крестьянином быть – всю жизнь ползать, согнувшись, на своем участке да копать землю, не поднимая взгляд. А мужчине, мол, надо смотреть вдаль, охватывая взором свои уголья, даже если те невелики.

Впоследствии Эггер не мог вспомнить, болтал ли он еще хоть раз в жизни без умолку, как тогда, впервые приведя Мари на свою землю. Слова сами выскакивали из него, летели кувырком, а он удивленно прислушивался к тому, как они, нанизываясь друг на друга, складываются во фразу, и с поразительной ясностью постигал смысл этих фраз, но только после того, как произносил их.

Во время спуска по узкому серпантину обратно в долину Эггер опять молчал. Он чувствовал себя странно и стыдился, сам не зная чего. На одном из поворотов Эггер и Мари остановились, чтобы немного передохнуть. Усевшись на траву, они прислонились к стволу поваленного бука. Дерево накопило в себе теплоту последних летних деньков, пахло сухим мхом и смолой. В ясном небе высились горные вершины. Мари сказала, что они словно сделаны из фарфора, а Эггер, никогда в жизни и не видавший фарфоровой посуды, согласился. Он предупредил, что надо, мол, смотреть под ноги, когда спускаешься, а то оступишься – и по земле, как по чашке из фарфора, тоже трещины пойдут, и вся долина рассыплется на сотни маленьких осколков.

Мари рассмеялась:

– Как смешно звучит!

– Да... – Эггер растерянно опустил голову.

Ему захотелось вскочить, схватить валун и запустить куда-нибудь, подальше да повыше! Но тут он вдруг почувствовал, как плечо Мари коснулось его плеча.

– Больше сдерживаться я не смогу! – произнес он, вскинув голову. А потом повернулся к Мари, обхватил ладонями ее лицо и поцеловал.

– Ого! – воскликнула она. – Силища-то какая!

– Прости меня. – Испугавшись, Эггер отдернул руки.

– Но это было чудесно, – ответила Мари.

– Я ведь сделал тебе больно?

– Неважно, – подтвердила она. – Было чудесно.

Эггер вновь прикоснулся к ее лицу, на этот раз очень осторожно – так берут в руки хрупкое яйцо или только что вылупившегося цыпленка.

– Вот так – хорошо.

И Мари закрыла глаза.

Эггер хотел попросить ее руки в тот же день, в крайнем случае – на завтра. Но он не представлял, как это сделать. А потому просиживал ночи напролет на пороге дома, который смастерил сам, глядя в залитую лунным светом траву у своих ног, снова и снова размышляя о собственной несостоятельности. Он не крестьянин и не хочет им становиться. Он не ремесленник, не лесоруб, не пастух... Эггер был честен перед собой: он зарабатывает на хлеб как подсобный рабочий, как батрак, готовый на любую работу, в зависимости от сезона и условий.

Такой мужчина согдится для чего угодно, только не для семейной жизни. Эггер предполагал, что от будущего женщины ожидают чего-то иного. Сам-то он с удовольствием просидел бы до конца своих дней на обочине горной тропинки, прислонившись к смолистому стволу дерева, рука об руку с Мари.

Но теперь ему нельзя думать только о себе. Теперь его обязанность в этом мире – защищать Мари и заботиться о ней. Мужчине надо смотреть вдаль, охватывая взором свои уголья, даже если те невелики – так он сказал Мари. Этого правила он и хотел придерживаться в жизни.

Эггер отправился в лагерь фирмы «Биттерман и сыновья», который теперь занимал весь склон на другой стороне долины и насчитывал больше жителей, чем сама деревня. Спросив в бараках, где найти ответственного за прием новых работников, он нерешительно, робко переступил порог канцелярии. Боялся испортить грубыми сапогами ковер, покрывающий весь пол и приглушающий шаги, словно ступаешь по мху.

Прокурисст – тучный, на голове в обрамлении коротко стриженных волос покрытая шрамами блестящая лысина – сидел за письменным столом из черного дерева в кожаной куртке на овечьем меху, хотя в помещении было тепло. Он низко склонился над стопкой папок и, казалось, даже не замечал Эггера. Но в ту секунду, когда Эггер уже собрался кашлянуть и обратить на себя внимание, прокурисст вдруг поднял голову.

– Ты хромаешь, – сказал он. – Нам тут такие не нужны.

– Во всей округе нет работника лучше меня, – ответил Эггер. – Я силен. Я все умею. И берусь за любую работу.

– Но ты хромаешь.

– В долине... да, возможно, – согласился Эггер. – Но в горах равного мне нет!

Прокурисст медленно откинулся на спинку стула. В комнате повисло молчание, темной вуалью оно покрыло сердце Андреаса Эггера. Уставившись на выкрашенную в белый стену, он и сам уже не знал, зачем, собственно, сюда явился. Вздохнув, прокурисст махнул рукой, словно желал прогнать Эггера.

– Добро пожаловать в «Биттерман и сыновья». Алкоголь, распутство и профсоюзы запрещены. Начинаешь работать завтра в полшестого утра!

Эггер помогал рубить лес и устанавливать гигантские металлические столбы на расстоянии пятидесяти метров друг от друга. Они образовывали совершенно прямую линию, уходящую вверх по горе все дальше и дальше, а размером превышали на несколько метров даже капеллу – самое высокое сооружение в деревне. Эггер таскал железо, древесину и цемент то вверх, то вниз по склону. Он выкапывал в лесной земле котлованы для фундамента, сверлил в скалах отверстия толщиной с руку, куда подрывник закладывал динамит. Взрывы он переживал вместе с другими рабочими, сидя в безопасном месте на стволах поваленных деревьев, которые лежали по обе стороны от вырубленной просеки. Уши рабочие закрывали руками, но чувствовали, как гора под ними сотрясается от взрывов.

Лучше Андреаса Эггера эту местность никто не знал, к тому же он совершенно не боялся высоты, поэтому чаще всего к месту закладки динамита первым посылали именно его. Он взбирался по осыпающимся обломкам камней меж скал, висел у отвесного склона на тонком тросе и сверлил отверстие, сосредоточенно глядя на образующееся вокруг сверла облачко пыли. Эггеру нравилось работать среди скал. Здесь, наверху, воздух так прохладен и чист, нередко можно услышать крик беркута, увидеть его тень, беззвучно скользящую по склону. Эггер часто думал о Мари. Вспоминал ее теплые, загрубевшие руки и шрам на шее, изогнутые очертания которого то и дело возникали у него в памяти.

Осенью Андреаса Эггера охватило беспокойство. Пришло время просить руки Мари, но он все еще не имел представления, как это осуществить. Целые вечера он просиживал на

пороге дома, предаваясь расплывчатым фантазиям и мечтам. Эггер не хотел просто сделать ей предложение, сказать, мол, будь моей женой, и все. Нет, слова эти должны отражать силу его любви к Мари, запечатлеться навсегда в ее памяти и сердце. Хорошо бы написать ей письмо, но писал Эггер даже реже, чем говорил, то есть – практически никогда. К тому же он считал, что в письме многого не скажешь. Как уместить всю полноту чувств и мыслей на одном листке бумаги? Разве что написать о своей любви огромными буквами на горе, чтоб увидел каждый житель долины!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.